

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ И КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

§ 1. Корпоративные правоотношения: предмет и содержание

В правовых системах современности не сложилось единого взгляда на общее понимание корпоративных правоотношений, который был бы универсально применим безотносительно к индивидуальным особенностям развития современных правовых систем.

Практико-ориентированные подходы избегают закрепления в законодательстве определений корпоративных правоотношений или их признаков, предметно обособляя правовое регулирование отношений по созданию, функционированию, ликвидации, реорганизации, участию и управлению в юридических лицах.

В юридический обиход довольно давно вошло отождествление юридического лица и корпорации¹. Следует оговориться, что такое решение является чрезмерным обобщением, в результате которого могут быть утрачены особенности не только отдельных видов юридических лиц, но и необходимое различие корпорации и любых иных гражданско-правовых общностей, не обладающих статусом юридического лица. Тем не менее корпоративное право как юридическое системообразующее понятие является универсальным для определения специфики положения всех юридических лиц в предмете гражданско-правового регулирования, не ограничиваясь только коммерческими организациями — корпорациями и т. д.

В нормативной институционализации корпоративных правоотношений имеется не только научно-теоретическая, но и практическая потребность, поскольку при ее отсутствии возникают сложности с правовой квалификацией отдельных сфер и сегментов предмета регулирования имущественных и организационных отношений, сопровождающих развитие юридического лица и деятельности, связанной с участием в нем и управлением им.

¹ См.: Мозолин В. П. Правовое положение предпринимательских корпораций и основные тенденции развития законодательства о корпорациях в США: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 6–7.

Возможно наблюдать последовательное накопление и укрепление научных представлений о корпоративном правоотношении — теории российского корпоративного права. Силами кафедры гражданского права юридического факультета Московского университета еще в конце XX в. были сформированы основы современного понимания и интерпретации корпоративных правоотношений: как правовой связи взаимных прав и обязанностей общества, участников и третьих лиц², как правовой формы экономических отношений «по управлению собственностью, лишенных связи с личностью участника корпорации, имеющих чисто экономические цели»³.

Ретроспектива развития корпоративного права в германской ветви европейских правовых систем показывает эволюцию представлений о корпоративных правоотношениях и о самом юридическом лице: если в первом проекте Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) концепция юридического лица основывалась на понимании и интерпретации римской *societas*, то уже во второй редакции проекта и самих Мотивах к ГГУ прослеживается влияние идей О. фон Гирке о *Figur der Gesamthand*, что впоследствии позволило развить их на практике и отдельных законах, но уже в значении общих принципов корпоративного права. Вместе с тем введение и распространение этой новой абстракции само по себе допустило практически неограниченную интерпретацию ее смысла, что не добавляет определенности корпоративному праву: совместное управление, совместное обладание, совместное участие и т. д. Конструкция «общей руки» позволила рассуждать о состоянии связанности участников и подчинении их индивидуальных интересов общему, возможности выделения их внутренних правоотношений, формирующих особенности управления корпорацией⁴. Однако эта конструкция не является

² См.: Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение: понятие, содержание, субъекты: дис. ... канд. юрид. наук М., 1996.

³ Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

⁴ См.: Dieckmann A. *Gesamthand und Juristische Person*. Tübingen, 2019. S. 8.

продуктом древнегерманского права и ровесницей конструкции юридического лица. Она появилась много позже — «после создания всеобщей всеобъемлющей догматики «руки» в XIX веке и накануне кодификации немецкого гражданского права, тогда произошла «встреча» общей руки и корпорации»⁵. Такое решение было содержательно новым пониманием сути юридического лица и шагом вперед в сравнении с представлением Ф.К. фон Савиньи о корпорации *sensu stricto* как об «объединении совладельцев»⁶. Однако абстрагирование и дальнейшее развитие идеи о «совместной руке» уже в первые годы после принятия ГГУ заставили О. фон Гирке задаться риторическим вопросом о последствиях применения и границах интерпретации сформулированного им, но оставленного без детального и тщательного раскрытия принципа («Was bedeutet diese gesamte Hand?»), а его последователей уже в новых социально-экономических условиях — утверждать правосубъектность любой юридической общности и развитие в ней квазикорпоративных отношений⁷. Расширительное толкование корпоративных отношений и их распространение на все виды гражданско-правовых сообществ обуславливали постановку вопросов об их правосубъектности, возможности их манифестации как квазюридических лиц. В свою очередь, это создавало риск размывания признаков и теории юридических лиц.

Разумеется, этот срез находится вне сферы действия юридических лиц и за пределами понимания корпоративных правоотношений в их классической (исходной) интерпретации, но само по себе это не умаляет значения поставленного вопроса для теории частного права. Обсуждение конфигураций корпоративных правоотношений вне института юридического лица вызывает ряд вопросов прежде всего в связи с неопределенностью границ и смысла самих корпоративных

⁵ Limbach F. *Gesamthand und Gesellschaft: Geschichte einer Begegnung*. Tuebingen, 2016. S. 432.

⁶ Savigny F. *Das Obligationenrecht als Teil des Heutigen Römischen Rechts*. Berlin, 1853. Vol. 2. S. 113.

⁷ См.: Schmidt K. *Von der Rechtsfähigkeit der Erbengemeinschaft*. Berlin, 2015. S. 21.

правоотношений. Российские последователи широкого понимания корпоративных правоотношений отмечают все новые их проявления уже в сфере банкротства. Так, отношения в сообществе конкурсных кредиторов становятся «корпоративными или квазикорпоративными» без четкого определения последствий таких решений и объяснения различий в словоупотреблении. Сторонниками этой идеи допускается сравнение конкурсных кредиторов с «положением залогодержателей всей конкурсной массы в целом» при обозначении их общности неправосубъектной корпорацией «квизисозалогодержателей»⁸. Корпоративная природа прав залоговых кредиторов объясняется Е. Д. Суворовым весьма своеобразно: невозможностью реализации прав требований к должнику, минуя гражданско-правовое сообщество кредиторов; «совместным осуществлением прав требования конкурсными кредиторами»⁹. Причем делалось допущение, не прибавляющее ясности и убежденности отстаиваемой им точке зрения о том, что «отношения между членами сообщества по поводу совместного осуществления прав требования к должнику имеют обязательственную корпоративную природу»¹⁰. Возникает вопрос о чистоте и непротиворечивости предлагаемой конструкции, если сам разработчик определяет ее смешанной обязательственной и корпоративной природой, а главное — в практическом значении и смысле ее построения для корпоративного и банкротного права. Дискуссионность усиливается, если учесть, что при реализации прав конкурсных кредиторов не происходит их «соосуществления», как предлагается считать цитируемым автором. Риски таких решений очевидны — вследствие нарастающей правовой неопределенности размывается исходный смысл институтов обязательственного, корпоративного и банкротного права. Кроме того, отмеченный взгляд на проблему представляет собой очередной

⁸ Суворов Е. Д. Корпоративное право кредитора несостоятельного должника // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики: сборник статей, посвященный 75-летию доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., 2023. С. 175–201.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

пример расширительного понимания корпоративных правоотношений вне юридического лица, когда приводятся новые доводы в пользу ошибочного отождествления неправоспособных корпораций и юридических лиц¹¹. Вышеизложенным не отрицается преобразование управления юридическим лицом, оказавшимся в состоянии неплатежеспособности, что само по себе отражает связи между корпоративным и банкротным правом.

История становления законодательства показывает, что корпоративное право является результатом эволюционного развития правовой системы. Римское право не регулировало корпоративные отношения как таковые (их внешнюю и внутреннюю стороны), юридические лица хотя и выделялись, но признавались недееспособными, приравненными к *infants* и *furiosi*, приобретающими права только через представителей, лишёнными возможности совершения деликтов¹². Было дано исчерпывающее объяснение невозможности и бессмысленности поиска прообразов юридических лиц в их современном понимании в категориях древнего права: «не следует, однако, преувеличивать ни разработанности этого понятия в римском праве, ни значения юридических лиц в экономической жизни Рима»¹³. Приведённых доводов достаточно для того, чтобы отрицать укрепление и рост архаичных корней современного корпоративного права, адекватность представления процесса развития соответствующей сферы правового регулирования последовательным приращением знания и опыта: социально-экономические условия современности, Древнего мира и Средневековья не сравнимы, как и сам инструментарий правового регулирования, что само по себе не позволяет видеть истоки современного корпоративного права в законах XII Таблиц и иных памятниках права.

¹¹ См.: Суханов Е. А. Корпорации как юридические общности (сравнительно-правовой аспект) // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения). М., 2021. С. 268.

¹² См.: Хвостов В. М. Система римского права. М., 1995. С. 116.

¹³ Римское частное право / под ред. И. С. Перетерского. М., 1948. С. 125.

Последовательное развитие имущественных отношений привело сначала к определению правил участия юридических лиц в экономической жизни, а затем и к выделению особых корпоративных правоотношений и их сегментов в картине правового регулирования, что может быть представлено как более высокая ступень обобщения лишь на базе изучения многообразия особенностей отдельных видов юридических лиц.

Не только в законодательстве, но и в доктрине наблюдается разнообразие подходов к восприятию корпоративных правоотношений, что свидетельствует о применении различных способов их идентификации в национальных законодательствах.

Широко распространены описание и характеристика корпоративных правоотношений непосредственно через предмет правового регулирования. В наиболее авторитетных источниках общего корпоративного права встречается описание предмета корпоративного права и отмечается его значимость, но имеются в виду именно корпоративные правоотношения. В частности, корпоративное право английскими юристами рассматривается как право, регулирующее деятельность компаний, обладающее совокупностью следующих признаков, в целом характерных для современных юрисдикций: правосубъектность корпорации, ограниченная ответственность учредителей корпорации по ее обязательствам, возможность переуступки акций третьим лицам безотносительно к деятельности корпорации, делегирование функции управления — учредителями корпорации органам управления корпорации¹⁴. При осмыслении выделенных признаков корпоративного права возникает вопрос о его индивидуальной специфике в группе регулируемых правом социально-экономических отношений, поскольку отделение функции управления от собственности и ограниченная ответственность учредителей по обязательствам корпорации характеризуют скорее не индивидуальные черты

¹⁴ См.: Kraakman R., Armour J., Davies P. et al. *The Anatomy of Corporate law*. Oxford, 2009. P. 2.

именно корпорации и корпоративного права, а общую особенность законодательства о юридических лицах и саму конструкцию юридического лица. Существует и другой риск буквального понимания приведенного утверждения — чрезмерно широкое представление о целях корпоративного права, формулируемых как «повышение благосостояния всех, кого затрагивает деятельность корпорации, включая акционеров, сотрудников, контрагентов и клиентов корпорации, третьих лиц»¹⁵. При этом отмечается характерная для общего права особенность, заключающаяся в том, что корпоративное право способствует «сокращению текущих издержек организации бизнеса через корпоративную форму», а функции корпоративного права определяются целями и задачами «устранения трех источников оппортунизма» — конфликтов между менеджментом и акционерами, конфликтов между акционерами, конфликтов между акционерами и кредиторами, инвесторами и сотрудниками корпорации¹⁶. Спорным по критериям относимости представляется суждение о том, что корпоративное право охватывает всю экономическую деятельность корпорации, а главное — что в его задачи входит минимизация издержек, что более характерно для экономики, а не для юриспруденции, задачи которой традиционно связываются с правовым регулированием общественных отношений для достижения баланса интересов их участников. Тем не менее с вышеизложенным логически и содержательно соотносятся определенные общим правом цели корпоративного права, которые во многом, во-первых, совпадают с задачами национальной экономики и, во-вторых, не покрывают целеполагания наиболее значимых сегментов правового регулирования корпоративных отношений: «корпоративное право должно способствовать стремлению и попыткам корпораций максимизировать собственную производительность и, соответственно, благосостояние в конкурентной экономике, поощряя долгосрочные инвестиции с наименьшей стоимостью

¹⁵ Ibidem. P. 28.

¹⁶ Ibid. P. 3.

капитала при условии соблюдения установленных правил и требований... повышение общественного благосостояния, хотя и желательно, но находится за пределами ограниченной сферы, занимаемой корпоративным правом»¹⁷.

В германской ветви континентального европейского права вопрос о специфике корпоративных правоотношений может четко не ставиться в правовой доктрине, ориентированной на разбор специфики корпоративных прав во всех их проявлениях, хотя и в любой правовой системе категории субъективного права и правоотношения являются центральными и разнопорядковыми. Приверженцы этого подхода прямо не говорят об общей специфике и характерных чертах корпоративных правоотношений, предпочитая представление собственных группировок корпоративных прав. У этого варианта правопонимания имеются собственные недостатки, состоящие, например, в потере целостного восприятия и полноты передачи картины корпоративных правоотношений.

Могут быть отмечены и спорные основания видовой классификации корпоративных прав. Так, представляется, что разделение корпоративных прав на имущественные (Vermögensrecht — право на дивиденды и ликвидационную квоту) и организационно-управленческие (Verwaltungsrecht — прежде всего, право голоса)¹⁸ довольно условно, поскольку правовой эффект осуществления любых корпоративных прав предопределен и неразрывно связан с конкретными имущественными последствиями для участника как субъекта корпоративных прав и самой корпорации. Предположение об имущественном характере права голоса в полной мере соответствует развивающимся корпоративным правоотношениям в коммерческих корпорациях и, казалось бы, в меньшей мере безоговорочно применимо к некоммерческим. С догматической точки зрения не следует определять право

¹⁷ Ср.: Bratton W. W. Framing a Purpose for Corporate Law // The Journal of Corporation Law. 2014/39/4. P. 724.

¹⁸ См.: Flore D. Mehr Aktionärsdemokratie wagen? Proxy Contests statt Verwaltungsstimmrecht? Göttingen, 2010. S. 17.

голоса только по формальным критериям, не находя в нем непосредственно имущественной составляющей или утверждая неприемлемость в его отношении классификации корпоративных прав на имущественные и неимущественные.

При дифференциации корпоративных прав на виды исследователи, как правило, отталкиваются от закрепленных в национальных законодательствах и общепризнанных в мировой корпоративной практике прав акционеров: право на квалифицированное разрешение корпоративных споров (*das Recht zur Aktionärs- bzw. Anfechtungsklage*), право на информацию (*das Auskunfts-, Informations- und Einsichtsrecht*), право на распределение и получение дивидендов (*das Dividendenrecht*), право на подписку (*das Bezugsrecht*), право на ликвидацию (*das Recht auf Liquiditätserlös*), право на распоряжение участием (*das Recht auf Veräußerung der Aktie, des Einberufungs*), право на созыв и голос в общем собрании (*Teilnahme und Stimmrecht an der Hauptversammlung*), право на специальный аудит и равное обращение независимо от статуса акционера как миноритария или мажоритария (*das Recht auf Sonderprüfung und das Recht Gleichbehandlung*)¹⁹. Анализ и сопоставление приведенных видов корпоративных прав, на первый взгляд претендуя на высокую степень детализации, едва ли может передать все особенности корпоративных правоотношений как в целом, так и в частности, освещая их отдельные стороны/аспекты.

Доктринальное раскрытие корпоративных правоотношений может выглядеть весьма эклектично. В основополагающих работах специфика и содержательная состоятельность корпоративных правоотношений объясняются «внутренней жизнью корпорации». Ф. Регельсбергер отмечал, что в силу разнообразия отношений по членству корпоративные правоотношения «являются настолько разными для отдельных корпораций, что они не поддаются удовлетворительным

¹⁹ См.: Siems S. Die Konvergenz der Rechtssysteme im Recht der Aktionäre. Tübingen, 2005. S. 30–31.

комплексным характеристикам», при этом из принадлежности к корпорации «вытекают своеобразные права и обязанности корпоративных членов, это особые права и особые обязанности, поскольку они принадлежат отдельному члену, они являются корпоративными правами и обязанностями, так как коренятся в объединении»²⁰. Сам Ф. Регельсбергер классифицирует корпоративные права на «общепользные», которые предоставляются членам корпорации исключительно в интересах общего дела (от них невозможно отказаться, и они могут изменяться самой корпорацией), и на «индивидуально полезные права», которые устанавливаются корпорацией для отдельных членов в целях удовлетворения их личных выгод («индивидуально полезные права» отличает их «исключительно имущественно-правовой характер»²¹). Ф. Регельсбергер подчеркивает, что «право на участие в управлении корпоративными делами соответствует и обязанности сотрудничества»²².

И в настоящее время юридическая наука далека от единообразного и согласованного понимания корпоративных правоотношений. В связи с этим можно выделить широкий и узкий подходы к пониманию корпоративных правоотношений уже применительно к юридическим лицам. Сторонники узкого понимания корпоративного права исходят из того, что корпоративные отношения возникают только в юридических лицах, основанных на членстве, что позволяет распространить принципы и нормы корпоративного права только на корпорации, а это суждение, в свою очередь, приводит к выводу о том, что отношения в юридических лицах, не основанных на членстве, требуют специального регулирования и нормы корпоративного права на них не распространяются ни полностью, ни частично²³. Представители более широкого понимания основываются на том, что корпоративные правоотношения возникают

²⁰ Regelsberger F. Pandekten. Leipzig, 1893. Bd. 1. S. 331.

²¹ Ibidem. S. 333.

²² Ibid.

²³ См.: Grunewald B. Gesellschaftsrecht. Tübingen, 2017. S. 2–3.

в любых юридических лицах независимо от того, являются ли они объединениями лиц или капиталов и предусмотрено ли в них членство или же речь идет вообще о компании одного лица²⁴. Можно встретить определение, по которому корпоративное право представляет собой, во-первых, право предусмотренных законом целевых гражданско-правовых сообществ (*Privatrechtlichen Zweckverbände*), выбираемых в каждом конкретном случае учредителями, исходя из интересов и целей деятельности будущего юридического лица и, во-вторых, право корпоративных договорных отношений²⁵. Нетрудно заметить, что приведенные подходы не дают ответа на вопрос о содержании корпоративных правоотношений, констатируя только их локализацию.

Подход нидерландских цивилистов к пониманию корпоративных правоотношений концентрируется на анализе видов юридических лиц и является по большей части практико-ориентированным. Корпоративное право рассматривается ими как часть гражданского права, которым урегулированы организационно-правовые формы, выступающие оболочкой — «одеждой» юридического лица²⁶. Такой подход позволяет понять предопределенность объема корпоративных прав и возможностей от вида юридического лица на базе национального закона. Сквозное сравнение видов юридических лиц позволит уяснить различия между ними и обусловленные этим границы правовых возможностей участников, но едва ли создаст целостное представление о содержании корпоративных правоотношений как целостном сегменте правового регулирования, для которого востребованы его собственные инструменты правового регулирования, выраженные в общих и специальных нормах корпоративного права. В курсах современного голландского корпоративного

²⁴ См.: Zöllner W. Die Schranken mitgliedschaftlicher Stimmrechtsmacht bei den privatrechtlichen Personenverbänden. Berlin, 1963. S. 11; Schmidt K. Gesellschaftsrecht. Köln–Berlin–Bonn–München, 2006. S. 435.

²⁵ См.: Bitter G., Heim S. Gesellschaftsrecht. München, 2018. S. 1–3.

²⁶ Kroeze M.J., Timmerman J. B. Wezeman De kern van het ondernemingsrecht. Deventer, 2017. P. 2–3.

права подчеркивается индивидуальная природа корпоративных прав, в связи с чем обращается внимание на то, что корпоративные отношения основаны на особых принципах справедливости и разумности, установление и согласование которых предполагают ограничения индивидуализма в выборе варианта поведения (например, голосующие участники связываются обязанностью проводить консультации по обсуждению вынесенных на голосование вопросов, не могут при этом в ходе голосования руководствоваться только своими интересами или интересами третьих лиц — не членов корпорации и др.)²⁷. Приведенные особенности и смещение акцента с общих проблем правового содержания и инструментов регулирования на частные обусловлено происхождением и развитием внутреннего права. Голландское корпоративное право развивалось под влиянием судебной практики первой четверти XX в., когда были сформированы важнейшие положения, ставшие впоследствии нормами права и столпами теории: о правосубъектности общества с ограниченной ответственностью; об отсутствии права голоса у подставных лиц, участвующих в собрании; об ограничении объема рисков и ответственности участников только фактами и обстоятельствами, которые им были известны, должны были быть известны, находились в зоне их контроля; введение личной ответственности менеджеров перед третьими лицами за причинение имущественного вреда. Все эти правила возникли и были апробированы при разрешении конкретных дел и только впоследствии (причем неполностью) получили отражение в законодательстве²⁸.

Французский законодатель регламентирует особенности и виды юридических лиц (правоспособность, требования к их созданию и управлению, права и обязанности участников), в то время как правоприменительная практика выделяет общие кумулятивные

²⁷ Ibidem. P. 116–124. См. также: Meijers E. M. *Algemene leer van het burgerlijk Recht*. Lieden, 1948. P. 266.

²⁸ См.: Timmerman L. *Uitdagingen voor het ondernemingsrecht; op weg naar een recht ondernemingsrecht?* // *Maandblad voor Ondernemingsrecht*. 2020/5. P. 133.

признаки корпоративных отношений (имущественные взносы участников, их длящееся намерение сотрудничества для достижения общей цели корпорации, особенно при его выражении в отношениях с третьими лицами, связанность собственных действий с действиями других участников в общем деле, участие в прибылях и убытках от совместного дела) (Cass. (2ème civ.) 22 mai 2008; Cass (1 Ch. Civ. 12 juin 2004, D.11.11.2004, n 40); Cass. com., 26 mai 2009, n 08–13.891), что позволяет признать таких лиц участниками корпоративных отношений в созданном юридическом лице даже без его регистрации в установленном порядке (включая случаи неоконченной регистрации)²⁹. В правовой доктрине специфику корпоративных правоотношений принято раскрывать через требования закона, возможности учредителей/участников, часто без представления рафинированных научно обобщенных представлений об их особенностях и специфике³⁰.

Приведенное разнообразие подходов в отдельных юрисдикциях к нормативному определению и пониманию корпоративных правоотношений позволяет прийти к некоторым общим суждениям, допускающим выделение корпоративных отношений в самостоятельную категорию и их разграничение с развивающимися в их границах субъективными корпоративными правами, запретами и ограничениями, не позволяя рассматривать их в качестве синонимов:

- с точки зрения правовых структур корпоративное правоотношение устанавливает общий регулятивный фон и сферу развития отдельных видовых сегментов — корпоративных прав, обязанностей, запретов, ограничений, правомочий, являясь формой и условием их существования;
- с функциональной точки зрения корпоративное правоотношение сочетает в единстве и соотношении друг с другом элементы

²⁹ См.: Goudet R. B. Dégénérescence d'une société en formation en société créée de fait // La Semaine Juridique Entreprise et Affaires. 4 Mars. 2010. N. 9–10.

³⁰ Ср.: Grandguillot B. F. L'essentiel du Droit des sociétés: Sociétés commerciales. Autres sociétés, Groupements. Paris, 2017. P. 19–23.

корпоративного правоотношения (корпоративные права, правомочия, обязанности, запреты и ограничения), устанавливая между ними связи, предопределенность и взаимосоординацию в поведенческих возможностях субъектов, определяя также их гражданско-правовой статус и режим объектов корпоративных прав (акции/доли/паи в уставных, складочных капиталах, паевых фондах);

— структурно-композиционно корпоративные правоотношения включают в себя следующие группы регулируемых правом экономических отношений имущественного и организационно-управленческого характера, связанных с участием, управлением в юридическом лице и функционалом связанной с этим деятельности:

- нормативное закрепление видов и гражданско-правового статуса юридических лиц, действующих на территории конкретной юрисдикции;
- нормативное установление правил о создании/реорганизации/ликвидации юридических лиц;
- нормативное определение структуры и полномочий органов юридических лиц;
- нормативное определение отношений между участниками юридического лица и им самим;
- нормативное определение юридической связанности между юридическим лицом, его контролирующими лицами и бенефициарами;
- нормативное определение отношений между взаимосвязанными и взаимозависимыми юридическими лицами в корпоративной общности;
- определение общих и специальных норм корпоративного права в отношении некоммерческих и унитарных организаций;
- определение особых положений о защите и ответственности с учетом специфики корпоративных правоотношений.

§ 2. Корпоративное право — предметно обособленная часть (подотрасль) гражданского права

Самостоятельность корпоративных отношений основана на их содержательных характеристиках, проявляется в предмете, целях и методе их правового регулирования, а затем и в специфике осуществления и защиты корпоративных прав. Характерно, что эта сфера в ее общем представлении редко исследуется и освещается. Однако в российской юридической литературе появляются обстоятельные разработки этой тематики³¹. Ни в отдельности, ни в совокупности названные особенности не свойственны иным сферам гражданско-правового регулирования, показывая самобытность корпоративного права как уникального образования в сфере частного права. В любом случае речь не идет об отвлеченной теории, поскольку значимость рассматриваемых вопросов имеет прежде всего практические последствия.

Сохраняя собственную специфику, корпоративное право остается частным и не перерождается в публичное. Иной взгляд основывается на жесткости параметров регулирования корпоративных отношений, невозможности сведения корпоративного права к идее защиты только интересов участников — «shareholder primacy». В общем праве публичные начала корпоративного права выявлены судебной практикой при ограничении сферы свободы частного лица и применении мер ответственности за совершенные правонарушения, в обиход вошла и характеристика цели корпоративного права — «public utility vision of corporate law». Однако эта специфика не преобразует корпоративное право в публичное, подобно тому как и сами корпорации, требуя регистрации в публичном реестре, не могут на этом основании восприниматься как продукты публичного права или порожденные им сущности («creatures of the state»). Действительно, при характеристике частного права его особенности

³¹ См.: Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ. М., 2022.

преимущественно раскрываются на примере вещного, договорного и деликтного права. Корпоративное право и свойственные ему специфика и структура обуславливают в этой части сложности с безусловным восприятием сквозных и повторяющихся черт частного права, являясь в известной мере «неудобными» (особенно для академического изложения). Тем не менее особенности корпоративного права как структуры и регулятивной среды требуют особого внимания и понимания в контексте именно частноправовой регуляторики. Юристы общего права на базе свойственной именно ему картины правового регулирования и мировоззрения следующим образом объясняют частноправовую природу корпоративного права: «структура корпоративного права объединяет несколько понятий — корпоративная цель (corporate purpose), субъектная идентификация в корпоративном праве (corporate personhood), общеобязательность норм корпоративного права и особые формы принуждения к их соблюдению (legal obedience), справедливость и фидуциарные обязанности — первые два являются полностью самостоятельными и индивидуальными для корпоративного права, а последние три, хотя и разделяются другими категориями частного права, в корпоративном праве используются узкоспециальным образом»³². Далее утверждается, что корпоративное право дает возможность самоорганизации частных лиц в достижении их законных интересов, что полностью отвечает общим характеристикам частного права, причем по общему правилу уважение и внимание именно к частным интересам имеет приоритет над соображениями эффективности, целесообразности и другими общими потребностями общества.

Наиболее дискутируемый вопрос при определении самостоятельности корпоративного права состоит в определении его соотношения, подтверждения/опровержения производности от договорного права. При оценке допустимости рассмотрения корпоративного права в значении производного от договорного необходимо учитывать

³² Raz A. Why corporate law is private law. Pennsylvania, 2021. P. 41.

существенные различия целей и предмета правового регулирования. В договорном праве приоритеты правового регулирования ориентированы на создание максимально возможного раскрытия автономии воли договаривающихся сторон и защиту их законных волеизъявлений в реализации цели договора. Цели регулирования договорных правоотношений направлены на обеспечение интересов и свободы самоопределения контрагентов в достижении ожидаемого ими юридического результата от совершаемого акта товарообмена: predetermined императивными нормами ограничения автономии воли контрагентов зависят преимущественно от охраны интересов не связанных договором лиц и правопорядка в целом, защиты слабой стороны договора. В корпоративном праве свободы реализуются уже в контексте определенной законом модели корпоративных правоотношений, как такового волеизъявления для возникновения корпоративного правоотношения и установления его произвольного содержания недостаточно, т. е. в отрыве от корпоративной формы волеизъявление частного лица не пользуется в корпоративном праве столь же широко автономией и признанием, как в договорном. В этом проявляется важное отличие в направленности регуляtorики корпоративного и договорного права. Сам факт вступления в корпоративные отношения субъекта автоматически означает возникновение отдельных прав и обязанностей только в заданной ими конфигурации и допустимом объеме. Участники корпоративных правоотношений в значительной мере сохраняют возможность определения содержания собственных договорных обязательств, но не изменения конфигурации и модальности самих корпоративных правоотношений, заданных нормой закона. В отличие от договорного права принципы свободы договора, автономии воли и диспозитивности здесь не имеют особого значения, и в этом смысле они производны и зависимы от определенной законом модели корпоративных правоотношений.

Правовая природа субъективных корпоративных прав predetermined особенностью их содержания на всех стадиях их развития

(возникновение, осуществление и защита), но их жизненный цикл зависит от периода создания и прекращения деятельности юридического лица.

Особенности содержания являются главным признаком и основанием выделения корпоративных правоотношений в особую группу в предмете гражданского права для целей правового регулирования и исследовательской деятельности. Само по себе это исключает возможность выделения корпоративного права как самостоятельной отрасли права и законодательства. Такое видение вопроса о месте и самостоятельности корпоративного права относимо только к российской действительности (в России до сих пор руководствуются отраслевыми основаниями систематизации права и законодательства). Зарубежный опыт и сложившиеся в нем подходы к определению места корпоративного права не являются образцом для российского законодателя и юридической науки, применимым для зеркального и безусловного воспроизведения.

Особого внимания требует рассмотрение связей корпоративного права и иных подотраслей гражданского права. Даже с точки зрения структуры (подотрасль гражданского права, специальное частное право) и содержания корпоративное право не может быть понято как изолированная и замкнутая система, будучи органически связанной как с иными подотраслями гражданского. Это актуально не только для российского, но и для зарубежного права. Так, в германской ветви континентального права корпоративное право считается одной из специальных ветвей (Sonderprivatrecht; Sonstiges Privatrecht) системы единого гражданского права (Allgemeine Privatrecht). Следует отметить, что выделение общего и специального — индивидуальный продукт национального правосознания, с которым сопряжены отдельные сложности, которые по меньшей мере нужно учитывать при идеализации зарубежных подходов и решений в частном праве. Структурно и тематически расположение корпоративного права совпадает с подразделением о юридических лицах (Gesellschaftsrecht) как части раздела

о субъектах гражданского права³³. Возникает и остается без ответа вопрос о соотношении общей и специальных частей частного права, поскольку юридическим сообществом признано, что проблема не исчерпывается соотношением общих и специальных норм права. Исследователи отмечают, что термин “Sonderprivatrecht” является результатом теоретического обобщения по категоризации правовых норм, в то время как законодатель и правоприменительная практика «избегают отнесения ряда норм к Sonderprivatrecht»³⁴, а научные дискуссии о единстве гражданского права с начала XX в. не прекращаются. Только с формальной точки зрения нормы Sonderprivatrecht относятся к специальным по отношению к общим нормам Privatrecht. В юридической литературе часто этот вопрос обходится вниманием, а в отдельных случаях исследователи довольствуются неточными формулировками, не привносящими ясности в решение обсуждаемого вопроса.

Отмечается, что решение о разделении частного права на несколько самостоятельных частей и обусловленное этим выделение в самостоятельный блок корпоративного права амбициозно и только обостряет практическую сложность разрешения вопроса об установлении общих и специальных норм для выделяющихся частей частного права, выработки и закрепления соответствующих именно им принципов частного права, неопределенность в этих вопросах ведет к обсуждению проблемы единства и общих целей современного частного права³⁵. Небезосновательна констатация только внешней обособленности корпоративного права и его связанности как с другими частями частного права, так и с нормами и институтами иных отраслей³⁶. Открытым остается вопрос о характере и механизмах такой связанности.

³³ См.: Koziol H., Welser R. Grundriss des Bürgerlichen recht. Wien, 2006. Bd. 1. S. 66–67.

³⁴ Reymann C. Das Sonderprivatrecht der Handels-und Verbraucherverträge. Tübingen, 2009. S. 103–104.

³⁵ См.: Westermann H. P. Sonderprivatrechtliche Sozialmodelle und das allgemeine Privatrecht // Ac P. 1978. Bd. 178. H. 2/3. S. 154.

³⁶ См.: Kastner W., Doralt P., Nowotny C. Grundriss des österreichischen Gesellschaftsrechts. Wien, 1990. P. 1.

Предметную и содержательную обособленность норм корпоративного права предлагается видеть не в развитии концепции корпорации как таковой, а в следующих из нее принципах и особенностях как основы специалитета в правовом регулировании³⁷.

Правовая идентификация корпоративных правоотношений имеет ряд особенностей в российском праве. Реформа российского гражданского законодательства поставила точку в вопросе об определении отраслевой принадлежности корпоративных правоотношений, обусловив необходимость приведения в соответствие с обновленным ГК РФ отдельных отраслевых специальных законов, регулирующих правовой статус некоторых видов юридических лиц, а также преодоления образовавшихся неединичных пробелов и противоречий в правовом регулировании, что составляет важную долгосрочную задачу совершенствования законодательства³⁸.

Главным и принципиально важным итогом реформы стала индивидуализация корпоративных отношений в фазах создания, деятельности, реорганизации и ликвидации юридического лица, что закрепило представления о корпоративном праве как о самостоятельной, структурно и предметно обособленной подотрасли российского гражданского права. Этот результат имеет особое значение, поскольку корпоративное право не может восприниматься как придаток или производная договорного, вещного права, а именно: такой подход обеспечивается абстрактной и при этом малопродуктивной интерпретацией «обязательства» и «собственности».

Иное не только не добавляет ясности особенностям корпоративных правоотношений, но и размывает смысл, значение вещного и обязательственного права, приводя к правовой неопределенности,

³⁷ См.: Bydlinski F. Handels- oder Unternehmensrecht als Sonderprivatrecht (Ein Modellbeispiel für die systematische und methodologische Grundlagendiskussion. Vortrag gehalten vor der Juristischen Gesellschaft zu Berlin am 7. März 1990). Berlin, 1990. S. 7.

³⁸ См. о проблемах становления и развития российского корпоративного права: Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014.

имеющей сугубо негативные последствия для обеспечения осуществления и защиты гражданских прав.

По существу к сходным никак не позитивным последствиям ведут попытки наделяния корпоративного права свойствами комплексности³⁹ или предметной самостоятельности в системе права и законодательства, например, на том основании, что активное участие в корпоративных правоотношениях принимают неправосубъектные с точки зрения гражданского права образования — органы юридического лица, а элементы неравенства (власти/подчинения) не характерны для других видов гражданско-правовых отношений, принятие корпоративных решений происходит не вследствие согласования воли всех участников корпорации, а обеспечивается большинством при «игнорировании интересов меньшинства»⁴⁰. Разбор представленных аргументов теоретически и практически крайне важен.

Вывод о нетипичности корпоративных отношений для частного права как проявления власти/подчинения не нов для российских исследователей, пытавшихся обосновать отдельное место корпоративного права в системе права и законодательства⁴¹. Заметим, что сама по себе неоднократность обращения к этому вопросу не свидетельствует о правильности предлагаемых решений.

Зарубежные исследователи не рассматривают эти естественные следствия развития корпоративных правоотношений как случаи особого рода, нехарактерные исключения из сферы гражданско-правового регулирования, устанавливая особые основания для признания корпорации де-факто возникшей и действующей, возложения обязанностей по погашению ее долгов на лиц, осуществлявших действительное управление ее делами и (или) получавшими от этого соответствующие выгоды, а подчинение меньшинства большинству

³⁹ См.: Юридические лица в российском гражданском праве / отв. ред. А. В. Габов. М., 2015. Т. 2. С. 221–231.

⁴⁰ Корпоративное право: учебный курс/ под ред. И. С. Шиткиной. М., 2017. Т. 1. С. 75, 67, 63, 61 (автор — И. С. Шиктина).

⁴¹ См.: Мозолин В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 125.

является естественным следствием принятия коллективного решения собранием, к которому предъявляются особые требования и предусматриваются условия его действительности⁴².

Позиционирование органов юридического лица в статусе самостоятельных субъектов российского права и «уставных представителей юридического лица»⁴³ распространено в российском праве и присутствовало незначительное время даже в законодательстве (п. 1 ст. 53 ГК РФ в прежней редакции), причем сторонники этой идеи считают это данью объективной реальности. Однако необходимо принять во внимание доводы, препятствующие такому пониманию или по крайней мере затрудняющие его. Прежде всего, в теории континентального корпоративного права еще О. фон Гирке была отмечена неотделимость органов от самой корпорации, недопустимость их противопоставления ей, невозможность рассмотрения наделения полномочий органов юридического лица через мандат — в корпорации избрание/прекращение полномочий менеджеров относится только к актам самоорганизации юридического лица, не сравнимым с предоставлением или отзывом мандата участниками менеджеру как агенту. Юридическая оценка и описание функционала органа юридического лица были показаны на примере контраста соотношения *Organstellung* и *Anstellungsverhältnis*, а не развития теории представительства, то есть положение органа определялось не мандатом, а особым основанием правонаделения (*Organstellung, Organverhältnis*). Применительно к определению контуров и содержания отношений между корпорацией и ее органами представительством возникают сложности с конкретизацией представляемого, особенно с учетом разнонаправленности интересов групп участников в управлении корпорацией. Развитие теории корпорации как таковой (*Unternehmen an sich*), исключающей сведение ее сути к собственности/господству

⁴² См., например: Weyts L., Bouckaert F. *Vennootschapsrecht overzicht rechtspraak // Ondernemingsrecht*. 1991/12. P. 7.

⁴³ Кузнецов А. А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия. 2014. № 10. С. 31.

участников и предлагающей видеть ее назначение, в том числе в интересах третьих лиц-инвесторов, правопорядка⁴⁴, делает это еще менее реалистичным. В этих концептах обсуждаются общие проблемы представительства юридических лиц и особенно выход представителя за рамки полномочий и пределы их допустимой коррекции в связи с изменением обстановки, но это касается работы не органов юридического лица, а только представителей, действующих по поручению⁴⁵. Кроме этих особенностей следует учесть положения, также препятствующие принятию и проведению в жизнь поспешных решений, имеющих не только теоретическую основу, но и важные практические последствия. Функционирование органов юридического лица неразрывно с его собственной внутренней структурой организации и управления корпорации: часть целого является его функциональным элементом, а не чем-то отдельным, во всяком случае в период его существования. Соответственно, отраженного эффекта возникновения правосубъектности его органов не возникает, как и отношений представительства между самим юридическим лицом, его органами и третьими лицами, то есть не находится оснований для выводов о раздвоении правосубъектности в гражданском и корпоративном праве и нетипичности корпоративных правоотношений для предмета гражданского права. Следует отметить, что и само учение об органе юридического лица сконцентрировано на вопросах управления им, а не на теории представительства. В современных условиях возложения на контролирующих лиц, включая независимых директоров, ответственности за причинение убытков корпорации их неразумными и неосмотрительными действиями, формирования новой парадигмы корпоративных отношений, предопределенной сочетанием в правовом регулировании конгломерата разнонаправленных охраняемых интересов, видоизменяются само существо и инструменты правового

⁴⁴ См.: Laux F. Die Lehre vom Unternehmen an sich: Walther Rathenau und die aktienrechtliche Diskussion in der Weimarer Republik. Berlin, 1998. S. 2.

⁴⁵ См.: Burtscher B., Spitzer M. Vertretungskonzepte juristischer Personen zwischen Privatautonomie und Verkehrsschutz // SPRW. 2014/201. S. 215.

регулирования корпоративных отношений, что само по себе требует актуализации стандартов их измерения и интерпретации, сложившихся применительно к уже несуществующим их конфигурациям и потребностям правового регулирования.

Не могут не озадачивать практические последствия и научно-теоретическая состоятельность предложений современных авторов, видящих суть корпоративных правоотношений не то в хозяйственном, не то в инвестиционном праве в отрыве от его содержательных особенностей: «в основе современной концепции корпоративного права лежит та часть законодательства, которая в 70-е годы получила в юридической литературе популярную известность как хозяйственное право... эволюция правового регулирования корпоративных отношений такова, что от правового регулирования юридических лиц в гражданском праве человечество пришло к регулированию инвестиционных отношений в финансовом праве»⁴⁶. Сформулированные цитируемыми авторами представления по меньшей мере являются нетрадиционными и предполагают раскрытие, но этого цитируемыми авторами не предлагается. Поиск истоков корпоративного права в идеологии хозяйственного права не только не позволит понять особенности корпоративного права в его развитии как системы, но и потребует от исследователя бесплодного и губительного обращения к категориям хозяйственного права и попыткам их бессмысленной реинкорнации с неизбежным замещением ими категорий и принципов корпоративного права.

В целом продвижение идеи о самостоятельности корпоративного права в системе гражданского права обуславливает необходимость разработки и включения в законодательство общей части корпоративного права, объединяющей: принципы и общие начала корпоративного права, специальные способы защиты корпоративных прав, особенности применения мер гражданско-правовой ответственности

⁴⁶ См.: Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г., Цирина М. А. Современные проблемы корпоративного права в трансграничных отношениях // Международное публичное и частное право. 2023. № 4. С. 10.

в корпоративных правоотношениях⁴⁷. Без общей части корпоративного права в законодательстве весьма сложны и условны дифференциация и единство общих и специальных норм корпоративного права как между собой, так и в соотношении с общими нормами гражданского законодательства. В свою очередь, накопленный опыт регулирования корпоративных правоотношений и практики разрешения корпоративных споров показывает, что специфика корпоративных правоотношений не ограничивается описанием различий отдельных видов юридических лиц, а образует целостное единство самостоятельной группы правоотношений, в которой могут быть выделены сформировавшиеся институты, принципы права, что должно учитываться как в научно-практических исследованиях, так и законопроектной работе.

При нормативной идентификации корпоративных правоотношений российский законодатель использует весьма емкие и при этом формально неопределенные критерии управления и участия в корпоративных организациях (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Обоснованность избранного законодателем подхода вызвала дискуссии в юридическом сообществе. Мнения российских специалистов о содержании и природе корпоративных правоотношений в связи с нормативным определением их понятия разделились: высказаны позиции о локализации корпоративных правоотношений только участием⁴⁸ или только управлением⁴⁹. Возникает вопрос о корректности проведения различий между идентификаторами «управление» и «участие» в субстрате корпоративных

⁴⁷ См. о необходимости выделения в законодательстве общей части корпоративного права, например: Гутников О. В. Концепция развития корпоративного законодательства // Концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2010. С. 254; Его же. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров: М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 452, 456–458.

⁴⁸ См.: Корпоративное право: учебный курс / под ред. И. С. Шиткиной. С. 799, 802 (автор — Д. В. Ломакин).

⁴⁹ См.: Гутников О. В. Правовая природа субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 58, 60–62.

правоотношений, поскольку их возможно представить и во взаимосвязи друг с другом. У российского законодательного решения определения корпоративных правоотношений отсутствуют зарубежные прообразы и аналоги.

Зарубежное право не использует термины «управление» и «участие» в качестве нормативно-идентификационных критериев определения корпоративных правоотношений, в связи с чем эффективность поиска по этим критериям сути корпоративных правоотношений в иностранном праве с целью приложения полученных выводов к российской действительности едва ли может дать ожидаемый эффект, обеспечив корректность сравнения/сопоставления⁵⁰. Вместе с тем анализ категорий «управление» и «участие» встречается в зарубежной юридической литературе, но при этом следует учитывать контекст словоупотребления.

В право порядках германского типа трактовка участия в юридическом лице не всегда может претендовать на ясность, когда только этого признака для описания специфики корпоративных отношений оказывается недостаточно. Так, участие в юридическом лице часто рассматривается как генеральное корпоративное право (*Teilnahmerecht*), которое принципиально невозможно отозвать в связи с тем, что им выражена принадлежность участника к юридическому лицу и определен объем его уже конкретных корпоративных прав⁵¹. Применительно к отдельным видам юридических лиц содержанию этого права стараются придать уже конкретные форму и выражение. Тем не менее восприятие права участия не отличается единообразием. В широком смысле говорится о том, что право на участие неотъемлемо принадлежит всем участникам независимо от размера участия в юридическом лице, права голоса и даже факта оплаты долей или акций⁵²,

⁵⁰ Ср.: Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

⁵¹ См.: Schmidt K. *Gesellschaftsrecht*. Köln – Berlin – Bonn – München, 2006. S. 33.

⁵² См.: Gesetz betreffend die Gesellschaften mit Beschränkter Haftung (GmbHG). Grosskommentar / hsg. P. Ulmer. Berlin; New York, 1997. Bd. 2. S. 257.

но вместе с тем право участия предопределено наличием доли или акций как основания возникновения связи между корпорацией и ее участником⁵³, где любому участнику независимо от того, имеет ли он право голоса или же вовсе исключен из голосования, должна быть гарантирована возможность присутствовать на собрании и быть выслушанным, в то время как право участия может быть урегулировано в уставе корпорации, но не может быть ограничено или исключено им⁵⁴, притом что право на участие отделено от права на голосование и права на информацию⁵⁵. В узком смысле отмечается, что право участия не реализуется непосредственно участником и предполагает соблюдение корпоративных процедур (регистрация в собрании)⁵⁶ или не может реализовываться, если в результате голосования возникает конфликт интересов⁵⁷. При характеристике акционерных прав комментаторами отмечается, что право участия принадлежит главным образом акционерам и ему свойственны такие признаки, как неотчуждаемость, но отсутствуют основания причислить его к личным правам (широкие возможности представительства, притом что именно председатель собрания может разрешить присутствие любых технических помощников участнику, за исключением адвокатов и представителей прессы, а вот удалить прессу можно по решению большинства участников собрания, и разрешения председателя здесь оказывается недостаточно). Выделение права участия в системе корпоративных прав ставит вопрос о его соотношении с иными корпоративными правами, а при его обозначении неотчуждаемым возникают и остаются без

⁵³ См.: Volkelt L. Die Unternehmergeellschaft (UG): Geschäftsführung, Verwaltung, Recht, Steuern. Wiesbaden, 2009. S. 126.

⁵⁴ См.: Bartl A., Bartl H., Fichtelmann H., Koch D., Schlarb E. GmbH-Recht. München, 2009. S. 458.

⁵⁵ Ссм.: Heidelberger Kommentar zum Aktiengesetz / hsg. T. Bürgers, T. Körber. Heidelberg, 2008. S. 744; Picout S. Das Stimmverbot im Rahmen der Gesellschafterversammlung. Hamburg, 2013. S. 9.

⁵⁶ См.: Binder U., Jünemann M., Merz F. Die Europäische Aktiengesellschaft (SE): Recht, Steuern, Beratung. Wiesbaden, 2007. S. 359.

⁵⁷ См.: Kölner Kommentar zum Aktiengesetz. Bd. 1. T. 5. S. 1141.

ответа другие вопросы, например о возникновении мнимых запретов на отчуждение корпоративных активов.

Представляется, что содержательно характеристики управления и участия с различных сторон показывают многообразие и многоуровневость корпоративных правоотношений подобно тому, как и значение капитала можно определить и функцией, и принадлежностью. В действительности «участием» не охватываются важные сегменты корпоративных отношений, возникающие при работе управляющей компании, менеджмента, как и наоборот — интересы участников/владельцев бизнеса оказываются не локализованными только подбором и сменой менеджмента, в связи с чем их принадлежность к корпорации не всегда корректно ассоциировать только с управлением. Урегулированные законом положения об ответственности контролирующих лиц и бенефициаров, установленные как меры охраны интересов не только кредиторов, но и участников корпорации, непосредственно связаны с регламентацией отношений по управлению корпорацией, будучи реализуемыми и востребованными именно в корпоративных правоотношениях, в рамках которых и осуществляются корпоративные права и при необходимости реализуется право на защиту.

Трудно согласиться с мнением, что классические корпоративные правоотношения образует только одна группа отношений, связанных с участием в корпоративных организациях, а вот «выделение управленческих корпоративных правоотношений лишено научной обоснованности и призвано решить частные прикладные проблемы юридического оформления отношений между корпорацией и лицами, входящими в состав ее органов управления, а также с участием третьих лиц», притом что «управленческо-организационные отношения имеют вспомогательный характер, выполняют обслуживающую функцию по отношению к имущественным отношениям»⁵⁸, что осложняется неясностью исходного смысла в интерпретации участия, а также признанием управленческих отношений пусть и со вспомогательным

⁵⁸ Корпоративное право: учебный курс / под ред. И. С. Шиткиной. С. 799, 802.

характером, но в предметной области корпоративных правоотношений. В любом случае требуется разобраться с особенностями сегмента управленческих отношений в корпоративном праве.

Управленческие отношения в корпоративном праве не имеют ничего общего с властными отношениями в публичном праве ни по природе, ни по содержательному наполнению, будучи построенными на началах автономии и равенства частных лиц на стадии учреждения или вступления в корпорацию. Речь идет о важном проявлении управленческих властных отношений в частном праве, имеющих собственную природу и специфику, которая отмечалась еще российскими дореволюционными цивилистами⁵⁹. Отношения власти в частном праве многообразны и отнюдь не являются исключением относительно корпоративного права. Осуществление права правообладателем связывается с ограничением правовых возможностей и даже некоторыми сложностями для неправобладателей. Специфические проявления частноправовой власти и координации в договорном и корпоративном праве различны. Связанность сторон договора и проистекающие из нее обязанности предопределены исполнением договора. В корпоративном праве власть и управление проявляются самостоятельно и не ограничиваются приматом мнения большинства при принятии коллективного решения. С момента начала участия управление делами корпорации связывается с действием обязанности по сотрудничеству и взаимодействию участников для достижения общей цели корпорации, что позволяет говорить об их частноправовой координации. Важно обратить внимание и на специфику проявления управленческих отношений в гражданском праве по модели частной субординации: участники корпорации изначально равны и свободны в решении вопроса о вступлении в корпоративные правоотношения или в выборе организационно-правовой формы при создании юридического лица, но, уже находясь в корпоративных правоотношениях

⁵⁹ См.: Таль Л. С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. М., 2006. С. 452–464.

(а точнее — с момента их возникновения), не могут руководствоваться только собственным усмотрением и личной выгодой, которые не согласуются или прямо противоречат интересам самой корпорации, большинству ее участников, за исключением реализации правомочия на выход из состава участников.

В целом необходимость регулирования управленческих отношений признана как в общем, так и в континентальном праве⁶⁰, что задает определенный контур управленческих отношений в корпоративном праве. Признается, что по существу управленческие отношения в корпоративном праве характеризуют одну из возможных сторон проявления властных отношений в частном праве⁶¹. Этому есть и еще одно объективное объяснение — развитие управленческого капитализма: корпоративный менеджер и требования к его профессионализму сформировали основы рынка корпоративного управления, требования к квалификации менеджеров, одновременно обусловив и возможные основания его ответственности, способствуя углублению разделения капитала собственности и капитала функции.

Вопрос понимания корпоративных правоотношений предопределен толкованием п. 1 ст. 2 ГК РФ. Совершенно очевидно, что приведенной норме возможно дать как ограничительное, так и расширительное толкование, но в любом случае нельзя допустить возможность исключения из сферы корпоративного права отношений, основанных на принципах частноправовой координации между материнскими и дочерними обществами, саморегулируемыми организациями, организационной и имущественной связи с делами корпорации их контролирующих лиц и бенефициаров.

Нельзя оставить без внимания и недостатки нормативной идентификации корпоративных правоотношений в российском праве. Как

⁶⁰ См.: Hansmann H., Kraakman R. The End of History for Corporate law. Discussion Paper. No. 280 3/2000; The Convergence of Corporate Governance Promise and Prospects edited by Abdul A. Rasheed, T. Yoshikawa. New York, 2012; Naciri A. Traité de gouvernance corporative: théories et pratiques à travers le monde. Laval-Canada, 2006. P. 229–235.

⁶¹ См.: Hoffman C. Private Macht im Gesellschaftsrecht — Die Macht der Mehrheit // Private Macht / hsg. F. Möslin. Tübingen, 2016.

следует из буквального прочтения нормы п. 1 ст. 2 ГК РФ, корпоративные отношения определены только применительно к корпоративным организациям. Получается, что *по буквальному смыслу закона корпоративные правоотношения не возникают в циклах жизни унитарных юридических лиц, что заведомо ошибочно. Представляется, что такой вывод не соответствует действительности и лишен оснований, поскольку унитарные юридические лица предполагают только особенности корпоративного управления ими, но в целом весь комплекс отношений, связанных с их учреждением и управлением ими, регулируется именно корпоративным, а не вещным правом. Иное означало бы отождествление унитарных юридических лиц с объектами, а не с субъектами права, отсутствие целостности правового регулирования различных корпоративных правоотношений.*

§ 3. Подотраслевые связи корпоративного права в предмете гражданского права

Предметная обособленность корпоративного права не только не исключает, но и делает актуальными научно-практические разработки, сконцентрированные на изучении внутриотраслевых связей корпоративного права, показывая общность и трансформацию отдельных идей правового регулирования и его недостатки.

Корпоративное и обязательственное право. Вопрос об отождествлении корпоративных и обязательственных прав имеет долгую историю в юридической науке, представители которой обоснованно возражали против отождествления корпоративных и обязательственных прав⁶². В более позднее время такая возможность подкреплялась тем,

⁶² Следует отметить, что если в дореволюционной российской цивилистике корпоративные права не отождествлялись с обязательными (см.: Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 410–413; Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. М., 2001. С. 148–149; Каминка А. И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 395), то в постсоветском праве прослеживается обратная тенденция: корпоративные права рассматривались как обязательственные права